

УДК 930.2

Л. Н. Мазур

ИСТОРИЯ РАННЕСОВЕТСКОЙ СЕМЬИ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ¹

В статье рассматривается историография изучения раннесоветской семьи. Особое внимание уделено анализу типологий семьи и обоснованию типологии, связанной с выделением традиционной и современной семьи. Использование данной типологии необходимо для изучения процессов трансформации семьи в условиях демографического перехода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история семьи, типология семьи, традиционная семья, современная семья.

Одним из направлений исследований российской семьи в раннесоветский период является изучение влияния идеологических факторов на ее трансформацию, изменение функций, структуры, правовых основ. Действительно, 1920-е гг. вошли в историю России как время активного реформирования семьи, в основе которого лежали, во-первых, объективные модернизационные факторы, обеспечивавшие постепенный и закономерный трансфер семьи от традиционного формата к современному; а во-вторых, попытки социального конструирования института семьи в соответствии с коммунистическими идеями и представлениями о роли и месте семейной организации в обществе будущего. Как результат комплексного влияния этих двух факторов, семейные процессы в СССР приобрели специфические черты: это ускоренная и порядком искаженная эмансипация женщин; перераспределение функций воспитания детей между семьей и государством на фоне сохранившейся патриархальной структуры внутрисемейных отношений.

Теоретические аспекты изучения эволюции семьи в XX в.

Изучение структуры и функций семьи, ее места и роли в обществе модерна началось в XIX в. В частности, общие тенденции изменения семейного института были отмечены трудах представителей эволюционизма: [Морган; Энгельс; Ковалевский]. Используя ретроспективный метод, исследователи указали на связь семьи с особенностями развития

¹Тема поддержана грантом РФФИ 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам Партийных переписей 1920-х гг.».

общественных и хозяйственных отношений. Рассуждая о будущем семьи, Л. Морган писал: «Являясь продуктом определенной общественной системы, она (семья) будет отражать состояние ее развития. Так как многолетняя семья за период с начала цивилизации усовершенствовалась, и особенно заметно в современную эпоху, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока не будет достигнуто равенство полов» [Морган]. Таким образом, идея равенства в браке и семье будущего стала центральной и определяла представления и ученых, и политиков начала XX в. Она стала основой социального конструирования советской семьи в 1920-е гг.

В 1930-е гг. была предложена концепция демографической революции. Впервые этот термин был использован А. Ландри и впоследствии стал базовым концептом для понимания тех трансформаций, которые происходят в обществе и его семейных институтах при переходе от традиционного общества к современному [см.: Landry; Chesnais; Капица]. Позднее этот термин был заменен понятием «демографический переход», предложенным в 1945 г. Ф. Ноутстайном [см.: The Future Population]. Развернутый обзор теории демографического перехода можно найти в трудах Шене [см.: Chesnais]. В российской историографии данной проблемой занимались А. Г. Вишневский, С. Капица, Ж. Зайончковская и др. [см.: Капица; Вишневский, 1976; Вишневский, 1978; Andreev, Scherbov, Willekens; Зайончковская].

В целом, благодаря работам демографов, были изучены особенности развития рождаемости и смертности в XX в., их влияние на демографическую структуру семьи и ее типологию. В частности, А. Г. Вишневский выделил три этапа эволюции семьи в России в условиях демографического перехода: первый этап (середина XIX в. — 1930-е гг.) — либерализация семейно-брачных отношений (под лозунгом «меньше государства»); второй этап (с середины 1930-х до середины 1950-х) — ужесточение тенденции к регулированию брачно-семейной сферы («больше государства»); третий этап (с середины 1950-х гг. до настоящего времени) — медленное возвратное движение к либерализации брачно-семейных отношений, получившее закрепление в Семейном кодексе РФ 1996 г. [см.: Вишневский, Захаров, Иванова; Вишневский, 1998]. Имеет значение и общий вывод А. Г. Вишневого о том, что «в России, как и в других развитых странах, место старой семьи заступает новая, достаточно стабильная супружеская малодетная семья городского типа, сильно отличающаяся от патриархальной, но все же сохраняющая по отношению к ней определенную преемственность» [см.: Вишневский, 20086].

Открытым пока остается вопрос о типологии современной семьи, ее структурно-функциональных особенностях и механизмах формирования. Гипотеза о том, что для современного этапа характерно преобладание малой нуклеарной семьи, в то время как в традиционном обществе демографическую структуру определяли большие неразделенные семьи, не подтверждается работами историков. Более того, благодаря их изысканиям становится ясно, что парные нуклеарные и сложные составные семьи сосуществуют и способны к взаимной трансформации в процессе своего жизненного цикла [см.: Миронов; Власова; Андреев, Дарский, Харькова]. В этом случае демографическая типология семьи не работает как индикатор качественных перемен в обществе, так как не учитывает их социальную природу.

Теоретические проблемы модернизации семьи, изменение ее структуры, функций, внутрисемейных ролей нашли отражение в работах по социологии и стали объектом изучения в России в 1960–90-е гг. [см.: Проблемы быта; Герасимова; Ружже, Елисеева, Кадибур; Васильева; Брачность, рождаемость, семья; Волков; Семенов; Ласлетт; Левин, Петрович; Семья и народное благосостояние; Здравомыслова, Арутюнян; и др.]. Наиболее значимым результатом отечественной науки стала разработка типологии, опирающейся на социальные характеристики семьи (традиционная и современная семьи) и ставшей основой для понимания закономерностей ее развития в современных условиях [см.: Антонов, 1997; Антонов, Медков, 1996; Гаврилов; Вишневский, 1998; Бойко; Гребенников; Гуггенбюль-Крейг; Харчев; и др.]. Благодаря трудам историков, были реконструированы исторические типы традиционной семьи, характерные для таких сословий и социальных групп, как крестьянство и рабоче [см.: Миронов; Миненко; Александров; Пушкарева; Голикова, 2001; Голикова, 2012; Араловец; Вишневский, 2008а; Вишневский, 2008б].

В зарубежной социологии деление на традиционную и современную семью используется, но не как основное [см.: Зидер; Кон, 1988; Кон, 1989; Леви-Стросс; Саймон; и др.]. Чаще всего применяется типология семей по критерию доминирования, главенства или лидерства [см.: Zeldich]. В этом случае патриархальная семья относится к семьям с одной структурой влияния, где функции принятия решений принадлежат мужу, а не жене. Имеется несколько типов семей, где доминирует жена или лидирует муж или где они доминируют одновременно в разных сферах жизнедеятельности. Все эти виды влияний присутствуют в современных семьях и противопоставляются не друг другу, а тем типам семей, где есть совместное принятие решений. Общепринятая интерпретация современной семьи закрепляет за ней лишь одно значение демократической/коллегияльной семьи, где не менее двух равных структур влияний.

В целом понятия «традиционная» и «современная» семьи соотносятся, во-первых, с определенными этапами развития общества, каждому из которых соответствует свой тип семейно-брачных отношений, определяющий культурно-нравственные основы образа жизни семьи; во-вторых, с вариантами брака, основанного на религиозных принципах; в-третьих, с патриархальной моделью власти, которая определяет функционально-ролевую структуру семьи, закрепленную в традиции и обычном праве.

В демографическом отношении традиционная семья может быть представлена различными вариантами (полная/неполная, малая нуклеарная/расширенная), однако многочисленная и многопоколенная (неразделенная) семья выступает в качестве идеальной модели, имеющей помимо религиозного еще и экономическое обоснование. По мнению А. Г. Вишневого, «факт извечного параллельного существования малых и больших семей едва ли вызывает сомнение... Формирование того или иного типа семьи не было жестко детерминированным процессом, речь может идти только о том, какой была вероятность появления каждого из них» [Вишневский, 2008a].

В противоположность традиционной, современная семья (modern family) характеризуется прежде всего демократической моделью власти, то есть отношениями членов семьи, основанными на равноправии и взаимном договоре (в ряде случаев юридически оформленном). Демократизация внутрисемейных отношений влияет на перераспределение функций и ролей между членами семьи. Кардинально меняется положение женщины, которая выступает не только в роли матери и жены — хозяйки дома, но получает экономическую независимость и право на самореализацию. Правовые аспекты семейных отношений имеют приоритет перед религиозными нормами или традиционными представлениями. А сама семья из экономической ячейки общества преобразуется в «естественную малую группу», основная задача которой состоит в удовлетворении социально-психологических потребностей человека в любви, привязанности, заботе, уважении [см.: Андреева]. Этот психологический контекст семейных отношений в настоящее время выходит на первый план, ориентируя на восприятие семьи как очень сложного механизма включения, адаптации человека в общественные системы более высокого уровня и одновременно буфера между обществом и личностью. Так, например, английский социолог Энтони Гидденс определяет семью как ячейку общества, состоящую из людей, поддерживающих друг друга одним или несколькими способами (социально, экономически или психологически), либо же ее члены отождествляются друг с другом как поддерживающая ячейка [см.: Томпсон, Пристли, с. 162].

На обыденном уровне психологический портрет современной семьи (ее идеального типа) определяется как союз единомышленников, основанный на любви и уважении. Этот образ был очень популярным в политическом дискурсе большевиков в 1920-е гг. и связывался непосредственно с построением нового коммунистического общества.

Необходимо подчеркнуть еще один различающий момент семейной структуры традиционного и современного общества: отсутствие видового разнообразия традиционной семьи. Оно соотносится с сословной структурой общества (крестьянская, дворянская, купеческая, мещанская и проч. семья), причем видовые отличия носят в большей степени количественный, а не качественный характер и определяются уровнем жизни, но не демографическим поведением. Современная семья, напротив, порождает множество типов и подтипов, отличающихся не только структурой ядра, но и поведением, характером внутрисемейных отношений, то есть тем, что определяет основы организации семейного коллектива и его деятельности.

Многообразие форм и видов современной семьи порождает множество классификаций, основанных на различных подходах (функциональном, структурном, ролевом, по типу власти, по характеру взаимоотношений и проч.). Так, например, И. В. Гребенников с учетом распределения семейных ролей выделяет три типа: *централистический* (или авторитарный, с оттенками патриархальности), когда во главе стоит один из супругов (нередко жена), которому принадлежит верховная власть в решении основных вопросов семейной жизни; *автономный* — муж и жена распределяют роли и не вмешиваются в сферу влияния другого; *демократический* — управление семьей лежит на плечах обоих супругов примерно в равной мере [см.: Гребенников]. По критерию власти семьи подразделяются на: *патриархальные*, где главой является отец/мужчина; *матриархальные*, где наивысшим авторитетом и влиянием пользуется мать/женщина; *эгалитарные* семьи, в которых нет четко выраженного семейного главы и где преобладает ситуативное распределение власти между отцом и матерью [см.: Антонов, Медков, 1996].

При изучении реальных процессов функционирования семьи создаются смешанные классификации, отражающие историко-временное своеобразие. Так, например, для характеристики семейной структуры позднесоветского общества Т. М. Трапезникова предложила выделить *патриархально-модернизированный, детоцентрический, супружеский, материнский* и *неполный* типы семьи [см.: Трапезникова]. Среди них *супружеский тип семьи* презентуется наиболее гармоничным, основанным на взаимной поддержке и заинтересованности всех членов семьи

в судьбе каждого, на развитии горизонтальных, а не вертикальных отношений, создании оптимальных условий для развития каждого члена семьи и гармонизации отношений.

Не разрешенная до сих пор проблема классификации вариантов современной семьи отражает прежде всего ее динамичный характер, обусловленность не только демографическими, но и социальными процессами, в том числе и идеологическими факторами. Именно этот аспект представляет особый интерес, поскольку позволяет рассмотреть семью не только как естественно развивающийся организм, но и как конструируемый объект. Выходя из-под влияния традиции, человек получает возможность выбирать тот тип семьи, который соответствует его ожиданиям и идеалам. Такая ситуация впервые складывается в Советской России в 1920-е гг. и способствует появлению новых форм организации семьи.

Дискуссионные вопросы истории раннесоветской семьи

Историография изучения реформирования российской семьи в 1920–30-е гг. достаточно обширна. Можно выделить определенный круг тем и вопросов, наиболее часто поднимаемых исследователями. К ним относятся: изучение политики государства в области семьи и брака; анализ изменений структуры и функций семьи, в частности функции воспитания детей; исследование процессов эмансипации. Так, например, Беки Гласс и Маргарет Стоули выделили три направления реформирования семьи, которые обсуждались в 1920–30-е гг.: 1) полная отмена семьи (радикальное), что соответствовало коммунистическим идеям; 2) сохранение семьи для воспитания детей вместе с государством (умеренное); 3) сохранение семьи с передачей государству функций воспитания детей, с тем чтобы сделать их агентами влияния на своих родителей [см.: Glass, Stolee]. По мнению Я. А. Шаповаловой, отмена семьи не была главной целью большевиков, а лишь одной из точек зрения [см.: Шаповалова].

Изучая семью В. И. Ленина, Кэти Тортон сделала вывод о том, что реальные мужские и женские роли в семье менялись, но значительно медленнее, чем ожидалось теоретиками коммунизма. В целом революция достигла наибольших успехов в деле эмансипации женщины, ее вовлеченности в общественную сферу, но гораздо меньше затронула основы семейного быта [см.: Turton, p. 102]. Эти выводы были поддержаны в статье А. И. Черных, которая отметила скептическое отношение вождя революции к идее радикального реформирования семьи в духе А. М. Коллонтай. Более того, исследовательница показывает, что облегченная процедура развода вызывала серьезную обеспокоенность у большевистского руководства [см.: Черных].

Тему положения женщин в семье в первые годы советской власти в связи с государственной политикой также затрагивает Уэнди Голдман. По ее мнению, идеалистические представления о роли семьи при коммунизме сильно контрастировали с действительностью. Государство было заинтересовано в сохранении и укреплении традиционной семьи. Поэтому возврат к традиционным семейным ценностям в первой половине 1930-х гг. был встречен женским населением сочувственно, а сочетание сразу двух социальных ролей — работницы и жены — давалось им очень непросто [см.: Goldman].

Социально-правовые аспекты советской семейной политики 1920–30-х гг. стали объектом исследования Лорен Камински, которая показала, что на смену коммунистической семейной утопии 1920-х гг. пришла тоталитарная утопия 1930-х, ее основу составили представления о необходимости планирования и управления семейными процессами через активное вмешательство государства в семейную сферу [см.: Kaminsky].

Оценивая уровень историографической проработки темы, можно согласиться с Уэсли Фишером и Леонидом Хотиным, которые еще в 1977 г. отмечали, что изучение советской семьи в 1920-е гг. остается в тени споров по поводу будущего семьи при коммунизме [см.: Fisher, Khotin]. Дискуссии исследователей о возможностях «радикального» преобразования семьи, а также задачах политики советского государства во многом ведутся в теоретической плоскости и не верифицируются статистически, тем самым оставляя без внимания *реальные* изменения, которые происходили в семье. Между тем это годы, когда социальный эксперимент и конструирование новых социальных форм совпадали с настроениями значительной части общества, то есть инициативы «сверху» получали активную поддержку «снизу». Желание как можно быстрее построить коммунизм и перейти в «светлое» будущее владело умами миллионов людей, особенно молодежи. Она охотно впитывала новые идеи и установки, предлагаемые коммунистической пропагандой, и быстро претворяла их в жизнь.

Справедливость приведенных положений может быть подтверждена или оспорена с привлечением массовых источников. Среди них следует выделить Всесоюзную перепись населения 1926 г., но относительно реконструкции истории семьи ее возможности ограничены, поскольку она ориентирована на характеристику ее демографического статуса, а не социальных трансформаций. Кроме того, практически не сохранились первичные бланки переписи и семейные карты, исследователям доступны только агрегированные результаты, что затрудняет выделение и анализ конкретно-исторических типов семей.

Помимо всеобщей переписи населения в 1920–30-е гг. проводилось множество специальных переписей. К ним относятся, например, Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г.; перепись населения Москвы и Петрограда 1918 г.; городская перепись 1923 г.; Все-союзная городская перепись 1931 г. Большой интерес в плане изучения семейных процессов в различных социальных группах советского общества представляют партийные (1922, 1927) [см.: Кузнецов], профсоюзные (1929, 1931–1932), профессиональные (1918) переписи населения; школьная перепись 1927 г.; перепись учреждений здравоохранения и медперсонала 1931 г.; библиотечная перепись 1934 и 1961 гг.; перепись учреждений общественного питания 1933 г. и др. [см.: Массовые источники; Информационное обеспечение]. Активное использование технологий переписи в раннесоветский период было связано с отсутствием налаженной системы учета и низким уровнем грамотности населения, в результате чего сбор информации на основе методов опроса рассматривался как оптимальный способ быстро компенсировать нехватку информации. Практически все специальные переписи, проведенные в 1920–30-е гг., были ориентированы на разработку и принятие управленческих решений.

Отличительной чертой специальных переписей был целевой и комплексный характер учета: перепись охватывала определенные социальные сферы, а единицей учета выступали 1) учреждения, организации, хозяйства, относящиеся к изучаемой сфере деятельности, а также 2) занятое в них население.

Следует иметь в виду и то, что итоги разработки переписей, как правило, не обнародовались и предназначались для «служебного пользования», то есть для решения каких-то практических задач. Эти комплексы документов пока остаются малоизученными, более того, сохраняется проблема выявления и описания всех переписей, которые проводились в 1920–30-е гг., поскольку до сих пор отсутствует их полноценный обзор.

Использование материалов переписей 1920-х гг. будет способствовать уточнению имеющихся оценок о направленности и глубине трансформации семьи, полученных на основании других видов источников (законодательство, периодическая печать, труды и воспоминания политических деятелей), а также расширит возможности исторической интерпретации теорий социального инжиниринга, с которыми связывают советский опыт и советское общество в целом.

Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Д. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.

- Андреева Т. В. Семейная психология : учебное пособие. СПб., 2005.
- Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М., 1996.
- Антонов А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. М., 1997.
- Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.
- Бойко В. В. Малодетная семья : Социально-психологическое исследование. М., 1980.
- Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А. Г. Вишневского. М., 1979.
- Васильева Э. К. Семья и ее функции. М., 1975.
- Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.
- Вишневский А. Г. Мировой демографический взрыв. М., 1978.
- Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи : На исходе XIX века [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. 2008а. № 7. URL: <http://elementy.ru/lib/430650>.
- Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи : XX век : От крестьянской семьи к городской [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. 2008б. № 8. URL: <http://elementy.ru/lib/430651>.
- Вишневский А. Г., Захаров С. В., Иванова Е. И. Эволюция российской семьи : Современная российская семья. Общая картина [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. 2008. № 9. URL: <http://elementy.ru/lib/430652>.
- Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII — первой половине XIX в. // Советская этнография. 1980. № 3. С. 37–50.
- Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986.
- Гаврилов С. Н. Историческое изменение институтов семьи и брака [Электронный ресурс]. М., 2009. URL: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-2/index.htm>.
- Герасимова И. А. Структура семьи. М., 1976.
- Голикова С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX века). Екатеринбург, 2012.
- Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков. Екатеринбург, 2001.
- Гребенников И. В. Основы семейной жизни. М., 1991.
- Гуггенбуль-Крейг А. Брак умер — да здравствует брак! СПб., 1997.
- Зайончковская Ж. А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 23–34.
- Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья: стратегии выживания // Семья в России. 1995. № 3–4.
- Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX в.). М., 1997.
- Информационное обеспечение баз данных по истории России XX в. (на материалах Тверского и Уральского регионов) : Словарь-справочник. Ч. 1, 2. Тверь, 1998.

- Капица С.* Общая теория роста человечества. М., 2009.
- Ковалевский М. М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.
- Кон И. С.* Введение в сексологию. М., 1989.
- Кон И. С.* Ребенок и общество. М., 1988.
- Кузнецов И. В.* Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы : Социальный портрет по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 года // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике : Труды V конференции Ассоциации «История и компьютер». Минск, 1998. Т. 1. С. 109–130.
- Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брак, семья, рождаемость за три века. М., 1977.
- Левин Б. М., Петрович М. Б.* Экономическая функция семьи. М., 1984.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Массовые источники по социально-экономической истории советского общества* / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979. С. 97–141.
- Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979.
- Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, семья в России и в СССР. М., 1977. С. 83–104.
- Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации [Электронный ресурс]. Л., 1934. 350 с. URL: <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=drevniy-mir&author=morgan-lg&book=1935>.
- Проблемы быта, брака и семьи.* Вильнюс, 1970.
- Пушкарева Н. Л.* Русская семья X–XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // Советская этнография. 1996. № 3.
- Ружжже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С.* Структура и функции семейных групп. М., 1983.
- Саймон Р.* Один к одному: Беседы с создателями семейной терапии. М., 1996.
- Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе.* М., 1985.
- Томпсон Дж. Л., Пристли Дж.* Социология. М., 1998.
- Трапезникова Т. М.* Этика и психология семейных отношений. Л., 1988.
- Харчев А. Г.* Типологизация семей и проблема общественной оценки разводов // Социальные последствия развода. М., 1989.
- Черных А. И.* Крылатый Эрос и промфинплан // Социс. 1993. № 8. С. 105–113.
- Шапалова Я. А.* Политика большевиков в отношении семьи в первые годы советской власти // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства [Электронный ресурс]. URL: <http://esperanto.mv.ru/Marksismo/Pschsg/pschsg-2.html#c2>.

Andreev E., Scherbov S., Willekens F. The population of Russia: Fewer and older. Demographic scenarios for Russia and its regions. Groningen, 1997.

Chesnais J. C. The Demographic Transition. Oxford, 1992.

Fisher W. A., Khotin L. Soviet Family Research // Journal of Marriage and Family. 1977. Vol. 39, No. 2.

Glass B. L., Stolee M. K. Family law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of marriage and family. 1987. Vol. 49, No 4. P. 893–902.

Goldman W. Z. Women, the state, and revolution: Soviet family policy and social life, 1917–1936. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 336.

Kaminsky L. Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union // Central European History. 2011. Vol. 44. P. 63–91.

Landry A. La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population. Paris : INED, 1982.

The Future Population of Europe and the Soviet Union: Population Projections, 1940–1970 / F. W. Notestein, I. B. Taeuber, D. Kirk, A. J. Coale, L. K. Kiser. Geneva : League of Nations, 1944.

Turton K. Revolution Begins at Home? : The Life of the First Soviet Family // Family and Community History. 2005. Vol. 8, No. 2.

Zeldich M. Family, Marriage and Kinship // Handbook of Modern Sociology. Chicago, 1964.